

Т. И. Ерохина¹«НОВАЯ» И/ИЛИ СТАРАЯ ЭТИКА: МЕТАМОРФОЗЫ АНТИУТОПИИ²

Этические основания культуры априори присутствуют в истории человечества: мифосистемы древности и современности репрезентируют моральные догмы и этические ценности, характерные для той или иной культуры и вбирающие в себя национальные, исторические и социальные черты. Несмотря на то что базовые этические категории связаны с вечными (традиционными) ценностями (добро, счастье, справедливость, гуманность и др.), смысловое наполнение этих категорий в истории культуры может быть разным, а интерпретация содержания данных дефиниций становится онтологически значимой в контексте развития цивилизации и культуры.

Обращаясь к истории культуры, можно обнаружить, что каждый период истории человечества ориентируется на некий идеальный утопический проект, в основе которого представлены этические ценности³. При этом каждый новый проект либо обращается к традиционным ценностям человечества, отстаивая свое право на существование на основе этих ценностей, либо отрицает эти ценности, точнее — вкладывает в них новое содержание. Утопия в данном контексте понимается нами широко — как модель идеального общества, основанного на справедливости, гармонии, гуманизме⁴. Подобная трактовка обусловлена тем, что утопия, черты которой можно обнаружить в представлениях о «золотом веке», а концептуальные обоснования — в философии Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы и других, несмотря на разные трактовки, имеет базовые характеристики. Прежде всего это модель *идеального социального устройства*, которая, как ни парадоксально, привела не только к появлению теоретических оснований, но и к воплощению в реальности антиутопий: «Почему выцвела утопическая картина? Мне на ум приходят две причины. Первая — это неудача утопии, вторая — ее триумф»⁵.

¹ Первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заслуженный работник ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры» (в соавт.), «Советское бытие в динамике философско-антропологического и культурно-исторического опыта» (в соавт.), «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ.

² Доклад подготовлен на основе исследования, выполненного с использованием гранта Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

³ Гусейнов А. А. Этика и культура. Статьи, заметки, выступления, интервью / науч. ред. А. С. Залесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2020. 784 с.

⁴ Чертова Е. Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 12–37. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1166 (дата обращения: 17.01.2022).

⁵ Huxley A. Brave new world. L.: Vintage, 1994. P. 24.

Возникновение антиутопии, по мнению исследователей, естественный процесс, поскольку она рождается из реакции на изменения в обществе, кризисы, научно-технический прогресс и другие свидетельства развития человечества, в то время как утопия статична и ориентирована на «поиск вневременных абсолютных ценностей, без признания которых существование человеческого общества находится под угрозой саморазрушения»⁶.

В этом контексте обращение к понятию «новая этика», широко обсуждаемому в отечественной науке, также может быть представлено в ракурсе соотношения традиционных этических категорий, их смыслового наполнения и интерпретации, а также в построении бинарной оппозиции утопия/антиутопия.

В современных исследованиях существуют различные подходы к трактовке «новой этики». Осмысление этой дефиниции представлено в исследованиях А. А. Гусейнова, который отмечает не только различие в понимании «новой этики» в европейском, американском и отечественном гуманитарном знании, подчеркивая, что «новая этика» — это прежде всего «дерзкие, непривычные с точки зрения традиционных представлений процессы в моральной (этической) практике западных стран»⁷, а не изменения в моральных представлениях. Академик также обращает внимание на различные ценностные коннотации употребления понятия «новая этика»: «для одних оно является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других — шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих — опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации»⁸. В связи с этим особый интерес представляют размышления писателей, критиков, которые обращаются к «новой этике» в аспекте творчества, в том числе ориентируясь на литературную традицию жанров утопии и антиутопии. Так, О. Бугославская определяет «новую этику» как «способ построения утопии, мира, где все друг друга любят, уважают и никогда не обижают»⁹. Утопические основы «новой этики» заложены в декларации ее базовых представлений, интерпретация которых становится камнем преткновения, хотя гуманистические основания этих представлений признаются так или иначе всеми исследователями. Обратимся к тем положениям «новой этики», которые свидетельствуют, на наш взгляд, о генетических связях «новой этики» с утопическими/антиутопическими проектами советской культуры.

Прежде всего «новая этика» обращается к пониманию насилия и жертвы. К. Фрумкин отмечает, что «но-

⁶ Чертова Е. Л. Указ. соч.

⁷ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 92.

⁸ Там же.

⁹ Новая этика: мир без иронии // Знамя. 2021. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/novaya-etika-mir-bez-ironii.html> (дата обращения: 17.01.2022).

вая этика», ориентированная на достижение комфорта, «исключения ситуаций, в которых бы человек был унижен, обижен, принужден, повергся насилию»¹, делает жертву (унижения, насилия) «важнейшим актором даже не потому, что она может требовать компенсации за свои страдания, а потому, что ее свидетельские показания становятся источником информации и поводом для реформаторских усилий по изменению общества. Жертва в некотором смысле обладает властью маркировать требующие реформирования проблемные зоны»². Безусловно, концепт жертвы в истории культуры имеет негативную коннотацию, а установка на отсутствие насилия, отказ от жертв в полной мере соответствует гуманистическим идеалам общества, традиционным ценностям и этическим нормам.

Вместе с тем история культуры демонстрирует нам различные трактовки понимания жертвы и насилия. Не останавливаясь на религиозных трактовках концепта жертвы, отметим, что жертвенность и насилие становятся базовыми элементами советской идеологии и морали: «весь мир насилия мы разрушим». В советской идеологии жертва насилия приобретает коллективную идентичность (угнетенные рабочие и крестьяне, «униженные и оскорбленные») и требует защиты от насилия, при этом насилию подвергаются бывшие угнетатели, которые также приобретают коллективную идентичность, символически представленную в образе врага народа. Жертва и насилие становятся понятиями амбивалентными: они не только предполагают возможную взаимозаменяемость, но и размывают границы интерпретации насилия и жертвы. К. Фрумкин обращает внимание на то, что борьба с насилием в контексте развития человечества может трактоваться двояко: любой закон — вариант насилия, следовательно «борьбу с насилием легко интерпретировать как борьбу с цивилизацией. Ведь что такое цивилизация как не внесение определенных правил в человеческое поведение?»³.

М. Эпштейн обращает внимание на то, что продолжением концептов жертвы и насилия в «новой этике» становится понимание необходимости исправления ошибок прошлого. В размышлениях А. Гусейнова эта часть новой этики связана с ответом на вопрос о личной ответственности, чувстве вины и причастности каждого человека к роду человеческому⁴. Соглашаясь с точкой зрения философа в том, что не существует событий, к которым человек не был бы причастен, отметим парадоксальность трактовки «философии поступка» (М. Бахтин). С одной стороны, путь «исправления имен», предложенный Конфуцием с целью обращения к прошлому как возможности построения идеального настоящего и будущего, складывается в древности и имеет этические основания. С другой стороны, реализация принципа искупления вины за прошлое в истории культуры свидетельствует о возникновении нового террора. Согласимся с М. Эпштейном, который отмечает, что в истории советской культуры был представлен

вариант исправления «ошибок прошлого», приведший к трагическим результатам: «В СССР в 1920-е годы представители дворянства, аристократии, буржуазии истреблялись идейно и физически — но уже в 1930-е, даже в эпоху свирепейшего сталинизма, этот „перегиб“ стали называть „вульгарным социологизмом“». А теперь, сто лет спустя, называть такой же вульгарный социологизм и даже биологизм „новой этикой“ кажется странным»⁵. И речь не об этическом чувстве вины, истоки которого мы можем обнаружить в христианстве (в идее искупления первородного греха), а о беспощадном требовании исправлять «ошибки своих предков», даже если человек «виновен только в том, что по факту рождения принадлежит к „угнетательским“ классам (социальным, этническим, биологическим)»⁶.

Важнейшим положением «новой этики» в связи с обозначенными ранее категориями жертвы, насилия и искупления вины становится амбивалентность истолкования понятий «индивидуальность» и «коллективизм». Многие философы, обращаясь к «новой этике», отмечают, что само определение этики в качестве «новой» обусловлено обращением к меньшинству: «новый этический подход, связанный с полноправным включением так называемых меньшинств в общественную жизнь и с аннигиляцией самого понятия меньшинства в нравственном сознании общества, когда речь идет о нравственных явлениях»⁷. История культуры неоднократно рассматривалась в контексте развития и противостояния идеологием коллективизма и индивидуализма. Обращение к индивидуализму в «новой этике» имеет позитивное начало: утверждение ценности жизни каждого человека, самоценности личности соответствует этическим идеалам общества. Более того, реализация идеологии коллективизма в период становления и развития Советского государства подтверждает невозможность построения идеального общества без обращения к индивидуализму.

Вместе с тем очевидность выбора приоритетов при построении идеального общества не снимает возможности построения новой тоталитарной системы: «Нет ни малейшего сомнения, что люди всех социальных, этнических, врожденных и приобретенных идентичностей должны быть равны перед законом и заслуживают уважения как личности. Но сводить личность к „представительству“, к коллективной ответственности — это не этика, а ровно ей противоположное»⁸. Не случайно М. Эпштейн называет подобный подход появлением «минус-этики» («вычитающей из человека то, что делает его независимой, самоценной личностью»), а еще точнее — «идеоэтикой» («Там, где человеческая уникальность переходит в множественность коллектива, кончается этика и начинается идеология») или «этиктатурой»⁹. Идеология коллективизма имеет в основе своей демократические ценности, построенные также на этических идеалах, в свою очередь цен-

¹ Фрумкин К. Рождение нежного мира // Знамя. 2021. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/7/tozhdenie-nezhnogo-mira.html> (дата обращения: 17.01.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»?

⁵ Эпштейн М. Новая этика или старая идеология // Знамя. 2021. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya.html> (дата обращения: 17.01.2022).

⁶ Там же.

⁷ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? С. 105.

⁸ Эпштейн М. Указ. соч.

⁹ Там же.

ность отдельной личности может сменяться авторитарностью и приводить к тоталитаризму.

Подводя предварительные итоги осмысления новой трактовки традиционных этических ценностей, представленных в «новой этике», отметим, что негативные коннотации, вызываемые «новой этикой» в отечественной культуре, имеют историко-культурные и социокультурные основания. Культурная память, в которой советский период истории России существует в том числе в аспекте культурной травмы, а советская этическая система («моральная идеология», по А. Гусейнову) способствует построению тоталитаризма, обнаруживает черты тоталитарного сознания в постулатах «новой этики». Показательны высказывания отечественных писателей о содержании «новой этики», в которых доминируют негативные коннотации: «Утопия всегда легко переворачивается и превращается в свою противоположность. Поэтому движению сопутствуют явления, которые несколько пугают своей бескомпромиссностью и однобокостью»¹ (О. Бугославская), «новая этика» — идеологическое обоснование «грядущего (и уже отчасти наступившего) нового тоталитаризма, подобного которому еще не знало человечество»² (Д. Данилов), «новую этику» можно назвать «агрессивной ранимостью, наглой хрупкостью, наступательной и нетерпимой толерантностью»³ (Д. Драгунский).

Не отрицая этических оснований «новой этики» и обозначенного выше нового поворота в осмыслении традиционных этических категорий в контексте совре-

менной культуры как необходимого условия развития человечества, отметим, что любое насильственное внедрение этических установок приводит к трансформации социальной утопии в антиутопию. Антиутопические основания «новой этики» очевидны из-за агрессивного навязывания этических норм посредством насилия и принуждения. Не случайно наряду с появлением трактовок «новой этики» возникает концепция «нового тоталитаризма»: «требование полного приятия любой идентичности приводит к новой форме нетерпимости, по сути более радикальной, поскольку она не осознается как нетерпимость. Если „приятие“ становится обязательным, то „неприятие“, по логике, должно быть просто запрещено»⁴.

В построении бинарной оппозиции «утопия/антиутопия» антиутопия, как показывает историко-культурный опыт, побеждает, поскольку базируется не на внутреннем и органичном принятии этических норм общества как собственных основ жизни, требующем длительного совершенствования общества и самосовершенствования личности, а на более коротком и уже апробированном в истории культуры пути построения государства как «мегамашины» (Л. Мэмфорд). Антиутопия становится вариантом реализации утопии в действительности, о котором говорил Н. Бердяев, отмечая, что «избежать зла и страдания можно лишь ценой отрицания свободы. Тогда мир был бы принудительно добрым и счастливым. Но он лишился бы своего богоподобия. Ибо богоподобие это прежде всего в свободе»⁵.